

Пенелопа Уилкок

РАНЫ ГОСПОДНИ

Книга Вторая

ББК 86.37

У 36

Перевод с английского

Penelope Wilcock

THE WOUNDS OF GOD

Originally published in English

by Lion Hudson plc,

Oxford, England.

All rights reserved.

Уилкок, Пенелопа

У36 Раны Господни / Пер. с англ. — СПб.: ЛКС,
2016. — 352 с.

ISBN 978-5-94861-227-0 (ЛКС)

ISBN 978-5-9907920-5-0 (Виссон)

Это вторая книга из серии «Сокол и голубь», повествующей о жизни обитателей средневекового монастыря. Вы вновь встретитесь с отцом Перегрином и монахами из аббатства Святого Алкуина, узнаете, как они переносят испытания своей веры. Без пафоса, простыми словами автор говорит о самом сокровенном: о тайне Божьей любви, о том, как открыть душу перед Богом и людьми, не боясь, что и Бог, и люди не примут нас такими несовершенными. Эти давние истории оказываются весьма современными, а их герои способны многому научить сегодняшних верующих.

ББК 86.37

ISBN 978-1-78264-141-4 (Lion Hudson)

ISBN 978-5-94861-227-0 (ЛКС)

ISBN 978-5-9907920-5-0 (Виссон)

© Penelope Wilcock, 1991

© Издательство «Виссон», 2016

*Посвящается моей подруге
Марджери Мэй*

Община аббатства Святого Алкуина

Монахи

Брат Эдуард	<i>инфирмариий</i>
Отец Чад	<i>приор</i>
Отец Колумба	<i>аббат — известен как отец Перегрин</i>
Брат Джон	<i>служит в лазарете</i>
Брат Гилберт	<i>регент</i>
Брат Киприан	<i>привратник/пациент лазарета</i>
Отец Мэтью	<i>наставник послушников</i>
Брат Валафрид	<i>травник/винодел</i>
Брат Джилес	<i>помощник травника</i>
Брат Майкл	<i>служит в лазарете</i>

Брат Эндрю	<i>повар</i>
Брат Амброз	<i>келарь</i>
Брат Клемент	<i>служит в скриптории и библиотеке</i>
Брат Фиделис	<i>садовник, особенно пристрастен к розам</i>
Брат Питер	<i>заботится о лошадях</i>
Брат Марк	<i>пчеловод</i>
Брат Стивен	<i>управляющий фермой</i>
Брат Мартин	<i>привратник</i>
Брат Паулин	<i>садовник</i>
Брат Доминик	<i>госпиталий, или странноприимный монах</i>
Брат Пруденций	<i>работает на ферме</i>
Брат Бэзил	<i>престарелый брат, помогает в странноприимном доме</i>
Брат Бернард	<i>учится на келаря</i>
Брат Герман	<i>работает на ферме</i>
Отец Жерар	<i>елемозинарий</i>

Послушники и послушанты

Брат Томас	<i>личный помощник аббата; кроме того, работает на ферме</i>
Брат Френсис	<i>работает в самых разных местах</i>
Брат Теодор	<i>основная работа — переписчик и иллюстратор рукописей</i>
Брат Кормак	<i>работает на кухне</i>
Брат Таддеус	<i>работает в самых разных местах</i>
Брат Ричард	
Брат Дамиан	
Брат Джозефус	
Аллен Хауик	<i>позже — брат Джеймс</i>

Больные или престарелые братья, живущие в лазарете

Брат Денис	<i>бывший пчеловод</i>
Отец Элред	
Отец Анселм	
Отец Пол	
Отец Джералд	
Отец Лукан	

Усопшие братья, которые упоминаются в книге «Сокол и голубь»

Отец Грегори *прежний аббат общины*

Постощники в общине

Мартин Джонсон *наемный слуга, работает
в лазарете*

Люк *помощник повара*

Саймон *помощник повара*

Глава первая

Об этих историях

Никогда не забуду, как умира-
ла моя подруга Мэгги.

Однажды субботним вечером до меня до-
шли слухи, что в ее доме случился пожар, а
сама она попала в больницу. Я поспешила к
ней, отменив свои планы. В палату меня не
пустили: там находился доктор. Пришлось
дождаться в комнате, где хранились старые
стулья и прочая мебель. Вскоре появился пол-
ный, светловолосый священник, он с встрево-
женным видом шел по коридору в поисках
медсестры. Это был отец Майкл, из церкви,
которую посещала Мэгги. Мы с ним посиде-
ли вместе в тесной, заставленной комнате,

обменялись новостями, обрывками сведений, которые до нас долетели. Потом помогли медсестре заполнить анкету Мэгги, перебирая в памяти подробности ее несчастной и одинокой жизни.

Тут через коридор быстрым шагом прошагала монахиня в развевающейся накидке и прямоком направилась в палату интенсивной терапии, в которой лежала Мэгги. Это оказалась сестра Кэтлин, ирландка, одна из ее подруг по общине. Монахиню тоже не пустили, так что мы стали дожидаться втроем, чувствуя, как внезапно и странно сближает нас общее напряжение ситуации.

Наконец пришел доктор. Он объяснил, что Мэгги очень плоха. Тело обожжено то ли на семьдесят, то ли на восемьдесят процентов. Правой ноги, как и правого бока, почти не осталось. По мнению доктора, нам не стоит заходить в палату. Медсестра поспешила поддакнуть, сказав, что зрелище просто ужасное — даже для нее. После такого совета у меня словно гора с плеч свалилась. В конце концов, чем мы могли помочь? Мэгги все равно была без сознания.

Священник, не без явного облегчения, согласился. Сестра Кэтлин молчала. Но когда доктор, пообещав держать нас в курсе событий, ушел, она спросила:

— Отец, разве ей не полагается елеопома-
зание?

Ну, да... Конечно же, полагалось. Мы снова нашли медсестру и поговорили с ней. Перед смертью над Мэгги следовало прочесть молитвы, помазать ее елеем, благословить, отпустить грехи. Сестра Кэтлин решительно заявила, что тоже хочет помолиться, сидя у постели умирающей. Следом за ней вызвалась и я. До меня вдруг дошло: просто сбегать из больницы — совсем не дело. Медсестра ответила, что пойдет и спросит. Уточнила только, какое именно место отец Майкл собирается мазать елеем? Он ответил, что чаще всего мажут лоб. Медсестра задумчиво нахмурилась: мол, там и кожи-то не осталось. Ушла, вернулась через минуту. Да, говорит, немного есть, действуйте. Мы со священником молча переглянулись. По его лицу пробежала еле заметная судорога. Думаю, он, как и я, весь похолодел от ужаса. А вот что испытывала

сестра Кэтлин, не знаю. Она уже бесстрашно шагала в палату интенсивной терапии, где лежала Мэгги, укрытая простыней. Снаружи осталось одно лицо и прозрачные трубочки многочисленных капельниц.

Сама не знаю, что именно я ожидала увидеть, наслушавшись доктора. Наверное, что-то вроде подгоревшего тоста. Но это была наша Мэгги, только и всего. Опухшее лицо, обожженные волосы, облезшая или обуглившаяся кожа... И все-таки, вне сомнения, это была она. Я словно видела ее душу. Не то чтобы перед глазами возникло таинственное мерцание, нет. Я говорю о том, что мой дух ощутил, безошибочно узнал и воспринял детскую, нежную сущность Мэгги, сиявшую сквозь неподвижное, обгоревшее тело под простыней. Отец Майкл помазал ее елеем, и мы, прочитав молитвы, пошли по домам.

Она дожидая до утра.

Укорив себя за то, что не осталась в палате, я вернулась в больницу и попросила разрешения побыть с ней. Мэгги... Она так боялась умереть в одиночестве.

— Можете поддержать ее за руку, — произнесла медсестра. — Только садитесь с этой стороны кровати: тут еще сохранились остатки ладони.

И снова холодный ужас перехватил мое горло. Что значит «остатки»? Медсестра подняла простыню, и я увидела руку Мэгги. Просто — руку Мэгги. Да, обожженную, большей частью без кожи, но знакомую. Так я и держала ее ладонь, пока Мэгги не скончалась.

Всегда буду благодарна непоколебимой смелости той ирландской монахини, которую не смутили ни страшные речи медиков, ни незнакомая обстановка, ни собственные инстинкты: страх и брезгливость, потому что она нашла в себе мужество думать о главном — о человеке. Мэгги нуждалась в нас, и не только в нас, но и в Господе, а тогда странным образом это означало одно и то же.

Из больницы я ушла к морю, потому что была не готова вернуться домой, мне хотелось побыть одной. Следя взглядом за прибоем, который обрушивался на галечный берег, я видела пену на гребнях волн и вместе с тем не видела ничего. Сидела на берегу — и в то

же самое время продолжала переживать мистическое присутствие смерти: трепет, благоговение, ужас... Губы все еще хранили холод мертвого лба, к которому прикоснулись на прощание. Глаза по-прежнему созерцали резкий силуэт профиля, лишённого игры света и теней, не смягченного беспрестанным внутренним движением, биением пульса, дыханием жизни. Один, один только раз пальцы подруги шевельнулись в моей руке, в то время как кислородная маска еще помогала не разорваться истончившейся ниточке бытия. Тогда я подумала: вдруг услышит? И тихо, не для ушей медсестры, прошептала:

— Прости нас, Мэгги. Прости...

Возможно, все обернулось бы иначе, останься я с ней в тот вечер. Возможно, я бы предотвратила ту роковую глупость: разлитый бренди, брошенный небрежно окурок... Как знать? Была бы мама жива, мы бы поговорили об этом. Мама всегда понимала мои вопросы, даже не высказанные вслух, и мою печаль, даже заглушенную голосом раскаяния. В детстве я прибегала к ней с любыми бедами. Как сейчас помню: вот она на кухне, моет тарелки,

нарезает картошку или помешивает сладкий заварной крем, молча выслушивает меня, задумывается и, наконец, произносит:

— Я знаю одну историю...

И рассказывала чудесные истории, от которых узел моих сердечных страданий ослабевал и распутывался, а в жизни опять появлялся смысл.

Чаще всего в ее повествованиях упоминался монах четырнадцатого столетия по имени Перегрин Дюфайе. Он был хромоногим калекой, с ужасным шрамом на лице и скрюченными кистями рук, и при этом служил аббатом в общине Святого Алкуина, на окраине стылых болот Северного Йоркшира. Судьба обошлась безжалостно с телом этого человека, однако дух его формировался под влиянием Божьего милосердия и доброты. Изувеченные руки Перегрина были мало на что способны; зато он воочию убедился, какие могущественные чудеса может творить Бог через человека, познавшего страшную боль. Братья, служившие Господу под его началом, любили и почитали своего аббата. Немало ходило историй о том, как он обращался с ними,

что говорил и что делал. Рассказы эти никто не записывал, они передавались из уст в уста, от поколения к поколению.

Первой, кто начал их собирать, стала женщина, похожая на Перегрину, а точнее говоря — его дочь, хотя аббат никогда не распространялся об этом. Еще до вступления в монастырскую жизнь он сблизился с одной девушкой и оставил возлюбленную, сам того не зная, уже беременную. Родившуюся девочку, Мелиссу, воспитывал отчим. Своего настоящего отца, аббата Перегрину, она случайно встретила много лет спустя, когда уже стала молоденькой женщиной. Знакомство это подарило ей покой и умиротворение, знание собственных корней. Мелисса полюбила отца всей душой, часто навещала его в общине и охотно слушала рассказы о нем других монахов.

Очень ей нравилась, к примеру, история его имени. Приняв на себя первые обеты, в знак отречения от всей прошлой жизни, он был наречен Колумбой, что в переводе с латыни означает «голубь». Перегрином же, или «соколом», его при рождении назвала мать, сразу

поняв, что малыш унаследует гордую, свирепую, хищную внешность отца — и не ошиблась. Братьев из общины аббатства Святого Алкуина весьма потешало это неподходящее имя — Колумба, и они продолжали величать аббата так, как его нарекли при крещении, — Перегрином. Мелисса обожала эту историю, потому что видела в отце и ту, и другую натуру: и голубя, и сокола. Временами, в минуты гнева, аббат и вправду был грозен, однако была в нем и нежность, особая благодать, усвоенная в школе горьких страданий. Словом, имя Колумба ему подходило не меньше.

Кстати, меня тоже зовут Мелисса. Это семейное имя: вот уже несколько веков, начиная с дочери Перегринна, оно время от времени повторяется в нашем роду. Прежде так же звали мою прапрабабушку. Мама не хотела, чтобы имя исчезло из нашего рода, и, когда я появилась на свет, окрестила меня Мелиссой. Совершенно не представляю, как бы она выкрутилась, если бы вместо меня родился мальчик.

Словом, истории передавались в нашей семье сотни и сотни лет, и вот моя мама

услышала их от своей прабабушки, полюбила и, в свой черед, поделилась со мной.

Для этого маме пришлось дожидаться, пока мне стукнет пятнадцать: ведь маленьким детям подобного не рассказывают. В историях говорилось о человеке, который, переживая утраты, познал вкус тоски, боролся с отчаянием. Мама ждала, когда мне станет мало удобного, тихого, уютного мира; когда я, поняв, как зыбко и ненадежно все внешнее, сама пожелаю встать на твердую почву истины, — и лишь тогда начала выкладывать передо мной драгоценные воспоминания давным-давно усопшей Мелиссы о любимом отце. Перегрин был знатным человеком, сыном богатого дворянина, и уже одно это, сказать по чести, мне нравилось: вот уже много поколений, как в нашем роду не встречалось аристократов. Мои мама с отцом еле-еле сводили концы с концами; правда, это из-за того, что они — скорее по вере, нежели от большой мудрости — завели сразу пятерых деток.

Когда мне пошел пятнадцатый год, моей старшей сестре Терес было шестнадцать, а Мэри и Бэт — соответственно, восемь и шесть.

Самой младшей, Сесили, стукнуло только три, но она всеми силами привлекала к себе внимание, «как большая». Папа называл ее «крохотной валькирией», а мама и вовсе не находила слов для описания этой малышки, только молча качала головой. Любой трехлетний ребенок способен поднять тарарам, когда разойдется, однако я никогда встречала равных в этом нашей Сесили.

Впрочем, теперь она выросла, и знаете, мало что изменилось!

В ту пору мы жили в домике, что лепился к скале у моря, и я мысленно переносусь туда, вспоминая истории, впервые услышанные от мамы в пятнадцать лет. Сестренки тоже любили слушать про Перегрину, однако не так, как я. Мы с мамой жили где-то между реальностью и нашим воображением, время от времени путая эти миры. Я и сейчас их путаю.

Говорят, будто школьные деньки — лучшие в жизни человека. Но для меня счастливейшим днем стал тот, когда я в последний раз вышла за школьные ворота и навсегда отвернулась от них. В моем понимании тогдашняя жизнь состояла из выходных, разделенных

пустынями будней, словно редкие бусины на четках, между которыми протянулись длинные нити. Возможно (нет, даже наверняка!), учителям со мной приходилось туго (и, надо сказать, они не жалели усилий, чтобы донести до меня эту мысль), но головная боль, которую я им доставляла, ничто по сравнению с несчастьями, которые они приносили мне.

Вам приходилось когда-нибудь получать один из этих ужасных «шуточных» подарков? Знаете, такая большая, заманчивая коробка, открываешь ее — а там еще одна, внутри нее — третья и так далее, вплоть до самой последней, в которой ничего нет? Вот так и у меня получилось со школой. Один бессмысленный день тянулся вслед за другим, обещая знания, на самом же деле предлагая академическую муштру, а внутри — пустота.

Перед глазами встает лицо директрисы, ее завитые седые локоны над выпуклым лбом, глаза, как у тухлой трески, и ее кримпленовые доспехи, которые она носила под своей академической мантией.

Научилась я мало чему. Понятия не имею, где находится Гибралтарский пролив, и толь-

ко в прошлые выходные узнала, чему равняется квадратный корень из девятисот. Зато я точно помню, когда именно открыла последнюю «шуточную» коробку и обнаружила в ней пустоту, после чего подняла подвесной мост крепости своей души и уже ничего не воспринимала от этих учителей (хотя пришлось терпеть школу еще два года). В тот день нам сообщили результаты экзамена по английскому языку. Во многих предметах я разбиралась плохо, но уж английский-то *знала* прекрасно. Приложив все старания на экзамене, я надеялась на благоприятный исход. А получила всего пятьдесят четыре процента — то есть еле-еле сдала. Так и вижу перед собой деревянную парту, испещренную нацарапанными надписями, высокие окна в стиле викторианской эпохи и учительницу, объясняющую, что она *ничего* не поставила за содержание моего эссе, только за пунктуацию и орфографию. Содержание, дескать, показалось ей аморальным. По словам учительницы, сначала она подумала, будто читает историю о любви, но вдруг оказалось, что это речь о Боге.

Смешно вспоминать (в смысле, странно, а не забавно), как глубоко меня ранили эти

слова, заставившие плотно захлопнуть ставни на окнах моей души. Теперь-то я понимаю: где ей, бедняжке, было знать, что не только мое эссе, но и вся моя биография станет историей о любви, о нежном и страстном Господе.

Итак, я чувствовала себя живой только вечерами и по выходным, черпая знания не из учебников по математике и географии, а из маминых рассказов, получая мудрость веков, завернутую в увлекательные истории, которые мама когда-то слышала от Мелиссы, своей прабабушки.

Вот некоторые из них.

